

Міністерство освіти і науки України
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків
Одеський археологічний музей
Національної академії наук України
Відділ археології Північно-Західного Причорномор'я
Інституту археології Національної академії наук України
Державний архів Одеської області
Грецький фонд культури (Одеса)

СТАРОДАВНЄ ПРИЧОРНОМОР'Я

Випуск XI

Одеса
ОНУ
2016

УДК 9(4-11)"632/1789"
ББК 63.3(4,5)2/5
С773

Рекомендовано до друку рішенням Вченої ради
історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова.
Протокол № 5 від 17 лютого 2016 р.

Стародавнє Причорномор'я. Випуск XI / Голов. ред. І. В. Немченко. –
Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
2016. – 610 с.

Збірка «Стародавнє Причорномор'я» складена на основі матеріалів XI читань пам'яті професора П. Й. Каришківського, міжнародної конференції, яка відбулась в ОНУ імені І. І. Мечникова 11–13 березня 2016 р. Випуск містить статті з проблем нумізматики, історії та археології Північного Причорномор'я, античної та середньовічної історії, візантинознавства, історії Європи раннього модерного часу, історіографії тощо. I–X випуски збірки виходили під назвою «Древнее Причерноморье».

Рецензенти:

Бруяко І. В. – д.і.н., директор Одеського археологічного музею НАНУ;
Довгополова О. А. – д.ф.н., професор кафедри філософії природничих факультетів ОНУ імені І. І. Мечникова.

Редакційна колегія:

Немченко І. В. – к.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, головний редактор;
Дьомін О. Б. – д.і.н., зав. кафедри нової та новітньої історії ОНУ імені І. І. Мечникова;
Дзиговський О. М. – д.і.н., професор кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Кушнір В. Г. – д.і.н., декан історичного факультету ОНУ імені І. І. Мечникова;
Луговий О. М. – к.і.н., доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ОНУ імені І. І. Мечникова, зам. головного редактора;
Булатович С. А. – к.і.н., доцент;
Охотніков С. Б. – к.і.н., зам. директора Одеського археологічного музею НАНУ;
Руссов М. Д. – доктор хабілітат історії, професор Вищої антропологічної школи (Кишинів, Молдова);
Самойлова Т. Л. – к.і.н., зав. Відділом археології Північно-Західного Причорномор'я Інституту археології НАНУ;
Сминтина О. В. – д.і.н., зав. кафедри археології та етнології України ОНУ імені І. І. Мечникова;
Сорочан С. Б. – д.і.н., зав. кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.

ISBN 978-617-689-159-8

© Колектив авторів, 2016

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016

¹⁰ Литвиненко Р. О. Донецько-Донської катакомбний компонент у бабинській культурогенезі // МДАСУ. – Луганськ: СНУ, 2011. – С. 179–200.

¹¹ Санжаров С. Н. Финальнокатакомбные материалы поселения Заозерное I в Подонцовье и некоторые вопросы интерпретации позднейших катакомбных памятников // МДАСУ. – Луганськ, 2011. – С. 164–177.

¹² Субботин Л. В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // SP. –2000. – №2. – С. 350–387.

¹³ Budziszewski J., Włodarczak P. Kultura pucharów dzwonowatych na Wyżynie Małopolskiej –Warszawa: Instytut Archeologii i Etnologii PAN, 2010.

А. В. Ивченко (Киев)

ПОГРЕБЕНИЕ С «КЛАДОМ» ДЕЛЬФИНОВ НА НЕКРОПОЛЕ ОЛЬВИИ

В 2012 г. на раскопе «Ориент» было найдено погребение, сопровождавшееся находкой пятидесяти компактно расположенных бронзовых дельфинчиков¹. В силу своей уникальности данная находка заслуживает отдельной публикации.

Раскоп «Ориент» характеризуется тем, что здесь не было найдено никаких следов повседневной хозяйственной деятельности. Подавляющее большинство находок связано с погребальными обрядами и сопутствовавшими им ритуалами. Время совершения обрядов варьируется от конца VI в. до н.э до II в. н.э.

Из-за специфики грунта и заполнения (яма была вырыта в плотном суглинке и им же засыпана) проследить конструктивные особенности погребального сооружения (захоронение № 5/2012) не удалось. Мужчина 30-40 лет был положен вытянуто на спине головой на восток – северо-восток. Справа от черепа практически вплотную к нему, несколько выше уровня левой ключичной кости, было зафиксировано скопление из 49 штук лежавших «горкой» дельфинов (последний, пятидесятый, был найден в кротовине под черепом). Других находок не было (рис. 1). Датировать данное захоронение на основании стратиграфии нельзя.

Весь клад состоит из мелких анэпиграфных дельфинов различных типов². Большинство изделий хорошо проработано и практически не имеет следов износа. На некоторых сохранились следы литников или брака отливки таких форм и размеров, наличие которых практически исключает сколь-нибудь длительное обращение этих дельфинов. Также зафиксированы изделия со сдвигом формы. Примерно пятую часть всех находок составляет производственный

Рис. 1. Погребение с «кладом» дельфинов на некрополе Ольвии

брак. Длина дельфинов колеблется в пределах от 1,8 до 3,4 см (средняя 2,56 см), вес от 0,78 до 2,84 г (средний вес 1,46 г, общий вес «клада» 73,17 г). Только один дельфин имеет вес 2,84 г. Вес ближайших к нему по этому показателю находок не превышает 2,1 г. Однако его длина составляет всего 2,3 см, что ниже среднего показателя.

Дата выпуска мелких анэпиграфных дельфинов до сих пор точно не определена. Существуют две противоположных точки зрения, основанных на типологии данных изделий. Ни одна из них пока не находит достаточных обоснований³.

Находки большого количества компактно расположенных мелких анэпиграфных дельфинов известны на Ольвии и Березани⁴. Как правило, они были встречены в поселенческих слоях. Условия находок дали возможность предполагать, что эти дельфины располагались в определенных вместилищах – «шкатулках» или «кошельках»⁵. Обращает внимание, что в большинстве подобных «кладов» представлены мелкие анэпиграфные дельфины всех типов (вне зависимости от хронологических предпочтений упоминавших их авторов). Эпиграфных или крупных дельфинов зафиксировано не было.

Во многих работах, посвященных ольвийским дельфинам, в первую очередь рассматриваются вопросы их монетарности и времени эмиссии. Период обращения данных изделий и способ их

последующего использования во внимание практически не принимается.

В связи с этим целесообразно проследить использование дельфинов в погребальном обряде. Учтены только те случаи, когда положение этих изделий *in situ* не вызывает сомнений. За исключением данного погребения, таких случаев известно восемь (погребения 1902/62 и 1902/146⁶, 1906/40⁷, 1908/20⁸, 1910/41а⁹, 1912/4к¹⁰, 1913/21 и 1913/26¹¹).

В конструктивном плане эти объекты представлены пятью подбойными и тремя ямными захоронениями. Ни разу не зафиксировано наличие дельфинов *in situ* в грунтовых или каменных склепах. В ямных могилах в двух случаях были захоронены дети, в одном (1902/146), предположительно, взрослый. Точные данные об этом в публикации данного погребения отсутствуют, однако размеры могильной ямы позволяют сделать подобное предположение. В подбойных захоронениях в одном случае был положен ребенок (1910/41а), в одном – взрослый мужчина. В остальных случаях возраст и пол погребенного не указан, однако размеры подбоев, скорее всего, предполагают положение в них взрослых¹². В четырех случаях (включая детское) в подбойных погребениях зафиксированы капитальные заклады. Обращает на себя внимание разнообразие материала, из которых они были сделаны: в двух случаях это сырец, в одном – камень и еще в одном десять амфор.

Два детских погребения (одно ямное и подбойное) сопровождалось минимальным количеством инвентаря. В ямном (1902/62), кроме дельфина, находилось только свинцовое пряслице, в подбойном (1910/41а) возле головы находились обломки амфоры, однако оно было ограблено. Во всех остальных случаях, кроме дельфинов, был найден и другой (в основном керамический) материал, который позволил датировать данные захоронения. К V в. до н.э. относятся два захоронения взрослых в подбоях: одно к его первой половине (1913/26) и одно к середине столетия (1913/21). Ямное захоронение взрослого датируется IV в. до н.э. Два объекта (подбойное погребение взрослого (1908/20) и ямное ребенка (1912/4к)) были совершены в эллинистическое время (в конце IV – начале III вв. до н.э.).

Вызывает интерес расположение дельфинов в могилах. В двух случаях (оба подбойных захоронения взрослых) они находились во рту погребенного. При этом одно погребение датируется первой половиной V в. до н.э., а второе концом IV – началом III вв. до н.э. В двух случаях дельфин был положен у головы погребенного (ямные взрослое захоронение IV в. до н.э. и детское конца IV – начала III вв. до н.э.).

Дважды дельфины были положены возле ног (подбойные захоронения взрослых середины V в. до н.э. и IV в. до н.э.). Только в этих двух случаях в могилу было положено по два дельфина. По одному разу (детские ямное и подбойное захоронения, не сопровождавшиеся четко датирующимся инвентарем) дельфины располагались на груди и в кисти правой руки соответственно.

Таким образом, можно предполагать, что вне зависимости от времени выпуска дельфинов, в погребальном обряде в качестве «обола Харона» они использовались на протяжении практически двух столетий: с первой половины V до рубежа IV–III вв. до н.э.¹³ Относительно небольшая их численность в могилах¹⁴ может быть объяснена тем, что традиция положения «обола Харона» покойным во время наиболее активного использования дельфинов еще только находилась в стадии формирования¹⁵. Об этом же может говорить вариативность их размещения в погребальных ямах.

В связи с этим обнаружение большого количества дельфинов, компактно положенных к одному захороненному, требует дополнительного объяснения. С одной стороны, отсутствие следов износа, в том числе наличие элементов, которые были бы утрачены при сколь-нибудь активном использовании данных изделий, относительно большой процент производственного брака дает основание предполагать, что в данном случае дельфины являются отражением производственной специализации покойного. Однако этому противоречит наличие большого количества стилистически различных типов в одном наборе. Поэтому на настоящий момент вопрос об интерпретации данного захоронения остается открытым.

---

¹ Ивченко А.В. Отчет о раскопках на территории некрополя и предместья Ольвии в 2012 г. // Арх. ІА НАНУ. – 11б. – С. 25–26.

² Коршенко А.Н. Дельфины Ольвии // Монета coin. Международный нумизматический альманах. – Вологда, 2001. – С. 71–123.

³ Подробный обзор см.: Там же. – С. 72–80.

⁴ Лапин В.В. Групповая находка ольвийских «дельфинов» на Березани // МАСП. – Вып. 7. – Одесса, 1971. – С. 42; Рубан В.В. О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // Нумизматика античного Причерноморья. – К., 1982. – С. 17. Харко Л.П. Монеты из раскопок Ольвии в 1946–1947 гг. // Ольвия. Теменос и агора. – М.-Л., 1964. – С. 324–325.

⁵ Лапин В.В. Указ. соч. – С. 42.

⁶ Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н.е. – К., 1974. – С. 134, 137–138.

⁷ Там само. – С. 144–145.

⁸ Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К., 1974. – С. 168.

⁹ Козуб Ю.І. Вказ. пр. – С. 149.

¹⁰ Там само. – С. 155. Парович-Пешикан М. Указ. соч. – С. 158.

¹¹ Козуб Ю.І. Вказ. пр. – С.160.

¹² Длина подбоя у единственного четко идентифицированного детского захоронения составляет 1,2 м. Все остальные подбои имеют длину около двух метров.

¹³ Сальников О.Г. Ольвійські «рибки» (Початковий етап ольвійського грошового обігу) // МАПШ. – Вип. 2. – Одеса, 1959. – С. 55.

¹⁴ К примеру, раскопки двух сезонов 1946–1947 гг. дали свыше двух тысяч находок (Харко, ук. соч., С. 323.

¹⁵ Карышковский П.О. Монеты Ольвии. – К., 1988. – С. 40.

Т. А. Избаиш-Гоцкан (Одесса)

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ КОЛЛЕКЦИИ И.А. ТЕРЛЕЦКОГО

Нумизматика как наука началась с коллекционирования. Интерес к монетам как к памятникам искусства, а затем и предметам старины зародился в Европе ещё в эпоху Возрождения¹. Первыми в сферу интересов собирателей попали античные монеты, к которым относились именно как к памятникам искусства классической древности². Постепенно собирательство монет или коллекционирование находило всё новых и новых приверженцев.

В России коллекционирование монет просвещёнными сановниками и вельможами началось с конца XVII – начала XVIII вв.³ Но настоящий бум в области коллекционирования античных монет начался уже в начале XIX в. К этому времени не только в двух столицах, но и в провинции сложился антикварный нумизматический рынок. На юге Российской империи он был представлен, в основном, севернопричерноморскими монетами. Не только мода и желание украсить свой дом подлинными «антиками» являлись стимулом для некоторых коллекционеров – многие из антиквариев обладали любовью к делу, большими знаниями и тонким вкусом. Дилетантизм в собирательстве начал сменяться целеустремлённым коллекционированием, опирающимся на серьёзные и глубокие знания в избранной области⁴.

По оценке Владислава Норбертовича Юргевича, особо богатыми личными коллекциями следует считать собрания «графа Северина Потоцкого, Стемпковского, Бларамберга, Дюбрюкса, Ферстера, Псомаса, Спады, Граперона и жившего в Феодосии генуэзца